

Философия поступка М. Бахтина как феноменология необязательного действия

© А.И. Калыгин, 2004

Попытка описания, феноменологии, долженствующе поступающего сознания – главная задача первой, собственно философской, работы Михаила Бахтина, условно названной издателями «К философии поступка» [1]. Работа осталась незавершенной; тем не менее, имея в наличии данный текст, правомерно поставить вопрос: *насколько справился Бахтин с поставленной задачей?* По прочтении этой работы появляется двойственное чувство. С одной стороны, поражает глубина интроспективного анализа человеческого сознания, но, с другой стороны, не покидает ощущение неполноты, нехватки чего-то существенного в описании специфически долженствующих действий.

Настоящая статья и будет *попыткой* ответить на этот вопрос.

В ней мы вначале представим наше понимание долженствования и те необходимые *пред-посылки*, которые позволяют оценивать какое-либо действие субъекта именно как долженствующее. Далее, руководствуясь этими критериями, мы покажем, что в бахтинском описании долженствующих действий, в его терминологии – поступков, отсутствует по крайней мере одна из этих пред-посылок. Следствием чего будет наш вывод о том, что поступки суть действия всего лишь *необратимые*, но не долженствующие. В конце статьи мы попытаемся найти ту причину, по которой Бахтин так и не дошел до понимания специфики долженствующих действий, укажем на то, что *помешало ему построить* действительную феноменологию поступка.

Итак, посмотрим, что выражает понятие долженствования в русском языке, то есть в каких случаях, по отношению к каким будущим действиям субъекта, употребляется слово «должен». Мы это сделаем для того, чтобы появился своеобразный *фон*, ориентир, который не позволит нам запутаться и потеряться в лабиринтах бахтинской мысли.

Долженствование, которое субъект относит к самому себе, в русском языке обычно выражает для него *необходимость*, обязательность предстоящего действия, причем необходимость, имеющую *характер вынужденный*, принуждающий субъекта поступать именно так, а не иначе.

Приведем примеры из разных областей функционирования слова «должен».

Из области права: «Я, как гражданин этого государства, *должен* соблюдать все законы этого государства».

Из области морали: «Я *должен* помочь ему, потому что обещал».

Религиозные заповеди: «Ты *должен* почитать отца своего и мать свою».

Из бытовой сферы: «Обстоятельства сложились так, что я *должен* буду уехать».

Из области познания: «Чтобы доказать это, я *должен* руководствоваться законами логики».

Общим моментом всех этих высказываний является наличие в сознании действующего субъекта, выражаясь языком психологии, *отрицательной мотивации*. Она означает, что побудительным мотивом такого рода действий будет стремление избежать нежелательных последствий, которые с неизбежностью наступят при выборе действия иного, чем требуется в данном высказывании. Именно стремление субъекта избежать применения к нему своего рода санкции, не подвергнуться определенному наказанию – со стороны закона, совести, Бога, природы, методов познания – и дает субъекту чувство обязательности, неслучайности в выборе. Чувство, возникающее у субъекта, находящегося в плане долженствования, можно выразить одной фразой: «Не очень хочется это делать, но придется, *иначе* будет хуже».

Руководствуясь данной схемой, к выше приведенным высказываниям мы можем добавить поясняющие части:

«Мне не очень хочется исполнять все законы, но придется, *иначе* я подпаду под санкции исполнительной власти».

«Мне не хочется помогать ему, но придется, *иначе* совесть будет мучить меня».

«Мне не всегда удастся почитать своих родителей, но я вынужден это делать, *иначе* Бог накажет меня».

«Я не хочу уезжать, но мне придется это сделать, *иначе*, в связи со сложившимися обстоятельствами, я понесу большой ущерб».

«Мне не очень хочется выстраивать строгие логические цепочки в системе доказательств, но мне придется это сделать, *иначе* я не смогу доказать убедительно свою правоту».

По всей видимости, *логические объемы* долженствующих действий и действия с отрицательной мотивацией *совпадают*.

Могут возразить, что не все действия с долженствованием совершаются на фоне чувства «не хочется, но должен», приводя такой пример: «Я *должен* поехать туда *потому, что хочу* увидеть ее». Аргументация здесь такова: желание обрести то, что хочется, – «хочу увидеть» – относится к случаю не отрицательной, а положительной мотивации в выборе предстоящего действия. Однако если присмотреться и сравнить

выше приведенное высказывание с похожим высказыванием «Я хочу поехать туда *потому, что хочу* увидеть ее», то можно отметить, что фраза с долженствованием субъектом произносится только тогда, когда желание увидеть очень сильное и в каком-то смысле *непреодолимое*. Как раз непреодолимость *своего же* желания и вынуждает действовать. Субъект знает, что если он не сделает это, то желание не оставит его в покое. Это желание, по причине своей интенсивности, — вне его власти. Здесь — полная аналогия с независимостью от человека голоса совести, а значит, и в этом случае долженствование — действие, отрицательно мотивированное.

Теперь выделим *три конституционных пред-положения*, имплицитное наличие которых и делает долженствующее действие собственно долженствующим, то есть для субъекта вынужденно обязательным.

Первым пред-посылаемым моментом любого долженствующего действия и, шире, — любого действия, которое субъект собирается осуществить, является, очевидно, обладание субъекта *свободой выбора* будущих действий. Правда, здесь — в плане долженствования — свобода человека оценивается со знаком *минус*, то есть как возможность выбора не того, что необходимо, *не того*, что обязательно необходимо сделать. Оценка такой свободы в корне отличается от оценки свободы в *творчестве* — свободы как истока появления чего-то абсолютно нового, и именно этой возможностью новизны оцениваемая самим субъектом *положительно*. В долге же свободы, по идее, быть не должно, но она есть, и с этим *приходится* считаться. Долженствование как бы ищет способ, каким образом вынудить субъекта поступить так, а не иначе, принудить его делать то, что требуется? Только через предупреждение о неизбежности наказания. *Страх* перед применением конкретных санкций и призван принудить субъекта к определенным действиям. И *чем сильнее* переживается нежелание наступления отрицательных последствий, *тем обязательнее* предстают перед человеком предстоящие необходимые действия. В свою очередь *степень угрозы* зависит не только от меры наказания, но и *от* оценки *степени неизбежности* его наступления. Конечно, субъект может поступить иначе, чем требует от него эта долженствующая необходимость, — допустим, исходя из какого-то *принципа* (например, назло себе или другим) — но он абсолютно точно знает, что будет наказан за это. Поэтому такого рода *принципиальные поступки*, несмотря на их противоположную направленность требуемым действиям, оставляют человека в долженствующем плане. Но почему же субъект не может оправдаться и избежать наказания за свое ослушание, за свои *не такие* действия?

На этот вопрос отвечает *второй* конституционный элемент долженствующих действий, а именно: *уникальность* и *необратимость*

каждого пространственно-временного момента, в котором субъект находится; этого здесь-и-сейчас, когда необоримо звучит в его сознании, так сказать, зов долга. *Пространственная* составляющая – употребляя терминологию Бахтина – долженствующего *хронотопа* делает невозможным одновременное нахождение субъекта в двух разных точках бытия. Что касается *временного* компонента, то для долженствования важна необратимость временных событий, их невозвратность: то, что сделать предстоит, исправить будет невозможно. Очевидно, что эти свойства пространства-времени суть *фундаментальные* параметры бытия, никоим образом от субъекта не зависящие. Если бы не было этих объективных свойств, то у субъекта существовала бы *лазейка* – опять употребим термин Бахтина – из обязательности предстоящего долженствующего действия. Действительно, субъект всегда с полным правом мог бы говорить себе: «Я сейчас выберу свое присутствие не в этом, а в другом месте, где от меня никто ничего потребовать не сможет», или «Если не сейчас, то потом я сделаю то, что надо, и ничего существенно плохого не случится». И эти отговорки на самом деле в жизни сплошь и рядом происходят. Правда, происходят только тогда, когда человеку просто *не важен* выбор того или иного действия, даже с его необратимостью. Например, вспоминая пословицу, в общем-то, не важно, «с какой ноги вставать». Но здесь субъект выходит из плана долженствования в иной план, с иными критериями в выборе действий. Однако что заставляет человека определять степень важности как предстоящего выбора так, и того хронотопа, в котором оказался субъект? Ответ на этот вопрос содержится в третьей *пред-посылке* долженствующих действий.

Итак, по нашему мнению, *третьим* необходимым предположением долженствующего действия является присутствие неподвластного человеку *центра исхождения* этих долженствующих требований. И, выражаясь юридическим языком, эта *непреодолимая сила* есть не просто исток обращения к субъекту, но и, что важнее, *носитель неизбежных санкций* за недолжное поведение. Здесь – в неизбежности и в неподвластности человеку наступления наказания за ослушание – кончается человеческая свобода, и он оказывается в области абсолютной необходимости. Этот центр исхождения санкций и определяет для человека, диктует ему, какой хронотоп, с какой окружающей обстановкой – по Бахтину, *событие-бытия* – становится важным для него в своей уникальности и необратимости. Другой вопрос, *кто* или *что* за этим центром исхождения санкций стоит: чья-то воля – служителя закона, Бога, совести; или природная необходимость – объективные законы природы. На уровне долженствования для человека существенна только *неизбежность* наступления отрицательных последствий за неверный выбор предстоящего действия. Важно подчеркнуть, что абсолютность требо-

вания, основывающаяся на абсолютно неизбежном применении санкций за его, требования, неисполнение, заставляет субъекта признать наличие *абсолютно непроницаемой границы* у области, на которую распространяется его, субъекта, активность.

Но как раз отсюда и проистекает *неслучайность* того или иного поступка человека, его обязательность. Мотив действий *обретает* здесь оправданность, обоснованную, объективную *причинность*.

И еще. Парадоксально, но *единство личности* и единство ее жизни, ее самоидентичность в мире как раз гарантируется нахождением ее в плане долженствования. *Будущая неотвратимость наказания* за преступление через заповеди, законы морали, природы, государства – за «грехи» – в *прошлой жизни* личности цементирует тем самым единство этой прошлой жизни, делает последнюю *цельной*. Отдельные моменты жизни обретают единый центр в единстве ответственности. Но центр этого единства находится не в самой личности, а в том, перед кем или чем этой личности приходится отвечать.

Теперь, имея перед глазами вышеизложенные рассуждения в качестве *фона*, обратимся к тексту «К философии поступка» и попытаемся ответить на вопрос: можно ли найти в этой бахтинской работе *три* выделенных нами *пред-посылки* долженствующих действий – свободу субъекта, его уникальное и необратимое временно-пространственное положение и наличие независимого от субъекта центра исхождения санкций, накладываемых за недолжное поведение?

Итак, первый вопрос: признает ли Бахтин за субъектом свободу выбора, имеет ли субъект, с точки зрения Бахтина, так называемую *свободу воли*? Как бы мы ни штудировали текст «К философии поступка», мы не найдем прямого утверждения этой первой пред-посылки долженствования. Только в одном месте Бахтин, подвергая критике этические воззрения Канта, пишет: «...воля *действительно* творчески активна в поступке» [1, 31]; здесь и далее в цитатах курсив наш – *А.К.*]. Следовательно, если Бахтиным признается *творчески* активный характер воли, то тем более им предполагается активность воли в *выборе* чего-то уже имеющегося в наличии, в частности уже имеющиеся в наличии *возможности* тех или иных действий. Можно сказать, что *новизна* – как специфическая и главная сторона любого творчества – в осуществленном выборе состоит как раз в *реализации* именно *этой* конкретной возможности и в *недопущении* к реализации *других* возможностей. И вообще, целью этических изысканий Бахтина в его «К философии поступка» как раз является поиск причины, обоснования долженствующих действий – «поступков», а значит, *возможность* каких-либо *иных* действий – не-должных – безусловно, *предполагается*. Впрочем, это предположение нигде в тексте не вербализовано.

Переходим ко второму предположению, основанию долженствующего действия – к уникальности, незаменимости и необратимости пространственно-временных «точек» жизни человека. Удивительно, но все свои интеллектуальные силы Бахтин бросает на описание именно *этого* момента. Складывается впечатление, что одним из замыслов этой работы был как раз показ со всевозможных углов зрения сознания субъектом уникальности себя и своего места в мире. Почему у Бахтина произошло такое своего рода *заикливание* на этой уникальности, мы постараемся показать в заключительной части нашей работы. Теперь же настала пора обильного цитирования анализируемой нами работы. Это позволит, перемежая цитаты вопросами и сталкивая цитаты между собой, уяснить для себя понимание Бахтиным специфики уникальности долженствующего хронотопа, в его, Бахтина, терминологии – «*единственности*». Описывая переживания субъекта, осуществляющего поступок, Бахтин верно, на наш взгляд, отмечает чувство пространственной уникальности положения субъекта в мире и описывает это так: «Я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое и непроницаемое для другого место» [Указ. соч., 41]. И Бахтиным справедливо в этой единственности видится причинность долженствования: «долженствование обусловлено его (субъекта) *единственным* местом в данном контексте события» [Там же, 34]. Что касается временного аспекта свершающегося поступка, то, по Бахтину, субъекту необходимо помнить: его действие свершается «уже безысходно неправимо и невозвратно», и это совпадает с нашей оценкой такого действия как действия необратимого.

Теперь зададимся вопросом: откуда берется, в чем *источник*, по Бахтину, этой уникальности и незаменимости каждой точки в ее пространственно-временных координатах? Напомним, что в нашем анализе долженствования данная уникальность *конституционно* присуща миру – мир таков, и ничего с этим поделать нельзя. Субъекту, правда, и мы это тоже отмечали, *не всегда* важно и необходимо учитывать единственность себя и своего места в мире; к обязательности же этого учета в долженствовании принуждает субъекта сознание неотвратимости санкций за неисполнение долга.

Что же у Бахтина? У него *источник* уникальности, единственности, занимаемого субъектом места – *в самом субъекте*, в его утверждающей все и вся активности. А творит-утверждает субъект единственность места и времени – где и когда он находится – через утверждение *своей* единственности и *своей* причастности к бытию. Бахтин пишет: «Единую единственность этого мира... *гарантирует* действительности признание *моей* единственной причастности, *моего* не-алиби в нем» [Указ.

соч., 53], и «утвердить факт *своей* единственной незаменимой причастности к бытию» – [значит] *войти* в событие бытия [Там же, 43].

Здесь мы не будем повторять, подкрепляя соответствующими ссылками на текст, то последовательное *эмманационное* развертывание творческого *я* субъекта, имеющее место быть в «К философии поступка». Тех, кому это интересно, мы отсылаем к одной из наших прошлых статей, а именно: к статье «От термина к онтологии: субъективная метафизика М. Бахтина» [2]. Здесь же нам важно подчеркнуть, что *исток* единственности и субъекта и окружающего субъект бытия – *внутри* самого субъекта. Это сам субъект, его воля, его творческая, *ничем* не обусловленная активность. В подтверждение нашей оценки приведем еще пару цитат: «Долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри ее» [1, 43] – и еще: «Этот факт моего не-алиби в бытии, лежащего в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, не узнается и не познается мною, а единственным образом признается и утверждается [мною]» [Там же, 41].

Хорошо, пусть исток утверждения единственности и уникальности места субъекта в бытии – в *самом* субъекте, а не в мире, не в законах и не в нормах, грозящих субъекту неотвратимыми санкциями за непослушание. Но, быть может, за самими долженствующими требованиями Бахтин признает *статус независимости* ни от какой утверждающей активности субъекта? Быть может, нормы и законы – та сила, субъекту никоим образом не подвластная? Поставив этот вопрос, мы тем самым переходим к поиску у Бахтина *третьей*, на наш взгляд, главной, *предпосылки* долженствующих актов.

Увы, ответ на этот только что поставленный вопрос – тоже отрицательный. Для Бахтина и норма – не норма, и закон – не закон; для него это все – *ничто*, если не утверждено его, субъекта, утверждающей активностью. Конечно, воля, по Бахтину, не творит *сам* закон – закон со стороны своей содержательности, но закон *утверждается* ею, в терминологии Бахтина – *признается*. Он пишет: «По отношению к закону, взятому со стороны его смысловой значимости, активность поступка выражается только в действительном осуществляемом *признании*, в действительном *утверждении*» [Указ. соч., 31]. И Канта Бахтин критикует не со стороны объективной обязательности исполнения моральных законов, но с позиции *субъективизма*, индивидуализма. По Канту, с точки зрения Бахтина, «закон предписан себе самой волей, она сама автономно делает своим законом чистую законосообразность – это имманентный закон воли», и далее: «Воля-поступок создает закон, которому подчиняется, то есть, как индивидуальная умирает в своем продукте» [Там же, 30]. Бахтина не устраивает здесь не отсутствие у воли

активности *вообще* – активности как трансцендентального атрибута сущности морального субъекта, но отсутствие у воли активности *индивидуальной*. По отношению к последней трансцендентальная, можно сказать, механически задающая самой себе моральный закон воля – тоже ничто – и это справедливо! – и нуждается, по Бахтину, со стороны воли *индивидуальной* своего утверждения.

В этой связи любопытна оценка рассуждения Бахтина С. Аверинцевым, представленная во втором примечании к работе «К философии поступка» [Там же, 323]. Все оценки последнего основаны, по всей видимости, на «средневековой концепции естественного закона как божьей скрижали в сердцах людей», т. е. на «*метафизике естественного закона*» [Там же], а значит, истинно моральный поступок, по С. Аверинцеву, естественно, должен свершаться на фоне «подлинно нравственного забвения о себе» [Там же]. Это мало чем отличается от кантовской *всеобщности* трансцендентальных законов морали, а следовательно, и к этому обоснованию можно отнести справедливую критику Бахтиным всяческого механицизма человеческих поступков как *индивидуальных* действий. И еще, верно оценивая фарисейство, «в силу которого человек, *выбравший* быть специально и прежде всего иного человеком этическим, – это не особенно хороший, не особенно добрый и привлекательный человек». С. Аверинцев, как мы уже отмечали, истинно нравственным считает действие, при котором субъект весь направлен на другого, на помощь ему, без отвлечения «эгоцентрическим самодовольством или столь же эгоцентрическим самоукоренением» [Там же, 324]. Из этого следует, что добавь к фарисейству желание помощи другому, *забывая* при этом себя, и все будет в порядке – ты в плане долженствующей активности. Но помещение в поступающее сознание – в акте свободного выбора – ценностной доминанты *другого* еще не гарантирует предстоящему действию неслучайный, *обязательный* характер. С другой стороны, даже помня о *себе* – что это *ты* должен совершить долженствующее действие, что *тебе* приходится это делать, что *иначе* будет плохо, – вполне можно остаться в сфере долга. Долженствованию необходимо, чтобы оно стало действительно долженствованием, скорее не «*нечто из меня* исходящее», по Бахтину, и не *нечто самозабвенное*, по Аверинцеву, но *нечто из вне* – не пространственно, а онтологически *из вне* – на *меня* направленное, *меня предупреждающее* и в этой своей активности от *меня* не зависимое. Статус же метафизичности этого *нечто* для моей долженствующей активности, в общем-то, не важен.

Но вернемся к тексту «К философии поступка». Что же пишет Бахтин о *нормах*? Быть может, в их описании мы найдем ту принуждающую к действию силу, что и делает последнее собственно долженствующим? В тексте находим: «Норма – специальная форма волеизъявляе-

ния одного по отношению к другим, и как таковая, существенно свойственная только праву (закон) и религии (заповеди), и здесь ее действительная обязательность – как норма – оценивается не стороны ее смыслового содержания, но со стороны действительной авторитетности ее источника» [Указ. соч., 29]. Выходит, что исток обязательности норм к исполнению – в *авторитетности* того, кто ее создал, или, используем модное слово, озвучил. Но чем обоснована эта авторитетность, Бахтин не говорит, словно авторитетность – не имеющая основание и причину первосущность. Он не видит, что авторитетность норм морали и религии, правовых законов государства основана на осознании субъектом того факта, что за нарушение их он может подвергнуться наказанию со стороны того, *кто* или *что* следит за исполнением этих законов и норм: урызваний совести, наказания Божьего, карательных органов государства.

И в других областях деятельности субъекта, где осуществляется его, субъекта, долженствующая активность, – в культуре и в мире природы – Бахтин ничем не обосновывает обязательности долженствующей активности. «Во всех остальных областях норма является словесной формой простой *передачи* условного приспособления неких теоретических положений к определенной цели: если ты хочешь или тебе нужно то-то и то-то, то в виду того, что... (теоретически значимое положение), ты должен поступить так-то и так-то» [Там же, с.29]. Что вынуждает субъекта, какая из сторон этих «теоретически значимых положений» поступать именно так, а не иначе Бахтин не говорит: должен – и все.

Итак, третьей необходимой пред-посылки для долженствующей активности субъекта – наличия источника обязательных, неотвратимых санкций, применяемых к субъекту за неисполнение предписания законов государства, морали, религии, природы – мы *не находим* у Бахтина. С чем же остается сознание субъекта? Только с первыми *двумя пред-посылками* – со своей свободой и с осознанием уникальности, единственности себя самого и мира вокруг. Как, в каком качестве можно оценить действия при наличии в сознании этих двух факторов? Только в качестве действий, *свободно выбранных и необратимо свершаемых*. Необратимость действия означает, что какое бы действие субъект ни выбрал, вернуться во времени назад не получится: он сам и мир уже невооруженно изменились, исправить уже ничего нельзя. Конечно, как мы отмечали, хотя *de jure* любые действия необратимы, *de facto* эта необратимость не всегда нам важна, да и исправить что-то все-таки можно. Тем не менее, по Бахтину, субъект, постоянно держащий в уме это чувство единичности себя и мира, осознает любые свои поступки как необратимые и невозвратные.

Однако логический объем необратимых действий шире логического объема действий долженствующих – первый включает последний как

свою часть – а значит, не все необратимые действия есть действия должностующие. Что не хватает необратимости стать должностующим? Просто необратимость не дает критерия в выборе действий, тем более не дает критерия, по которому эти действия становятся для субъекта обязательными. Пусть субъект знает, что любое его действие необратимо, но какое из всех возможных предстоящих действий, выбрать, причем выбрать действительно с чувством абсолютной обязательности, обоснованности и правильности? Но и после выбора, и после самого действия субъект не найдет оснований и объяснений самому себе, почему же он выбрал это, а не другое, и так ли обязательно для него это предпочтение в выборе.

Резюмируя, можно утверждать, что Бахтин феноменологически вскрыл не сознание с установкой на должностующее действие, но только сознание при действиях *необратимых*. Он остановился на полдороги, не дойдя до истинных причин ответственного поступления.

Теперь, как мы и обещали, попытаемся ответить на вопросы: почему Бахтин именно *так*, а не иначе описал должностующие? почему он *не дошел* до всестороннего понимания причин должностующей активности? в чем *причина* ущербности его концепции долга? Сразу оговоримся: мы будем искать эти причины исключительно в самих произведениях Бахтина, руководствуясь принципом, который он декларирует в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» [4]: «...он [художник] весь в созданном продукте, и ему остается только указать нам на свое произведение; и действительно, мы только там и будем его искать» [Указ. соч., 92].

Причины этого находятся довольно легко, достаточно проанализировать то, от чего *отталкивался* Бахтин в своих построениях феноменологии поступка и какие *задачи* при этом ставил.

Что касается *задач*, то если обратиться к первой работе – «Искусство и ответственность», – которая была написана Бахтиным непосредственно перед тем, как он приступил к своей «К философии поступка», и которая явилась своего рода программным *манифестом*, декларацией философских намерений молодого Бахтина, то в ней мы читаем: «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [2, 8]. Значит, главной тогдашней целью Бахтина было *включение* искусства и, шире, культуры вообще – в жизнь, обретение смысла культуры в контексте жизни. «К философии поступка» как раз и предстает перед нами *попыткой* реализации этой программы. И от чего *отталкивался* Бахтин, из чего исходил, мы то же находим в его первой работе: «За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен *ответчать* своей жизнью» [Там же, 7]. То есть Бахтин попытался построить этику, исходя *не из самой жизни*, не в ней пытаясь найти, выде-

лить общие элементы специфически долженствующей деятельности. Проблемы Бахтина – не в переживании жизни, но в переживании культуры, именно культуру он пытается *дополнить* чем-то взятым из жизни, чтобы культура стала более весомой, более нужной. Его не устраивает не жизнь с её безответственностью, а культурная деятельность, её улегченность, необязательность. Бахтин в философии поступка, метафорически говоря, предстает перед нами в образе человека, только что оторвавшего свой взгляд от письменного стола и силящегося понять, что же ему не хватает в его творчестве?

Интроспективный анализ показывает ему, что в мир культуры творец её продуктов – а значит, и сам Бахтин как философ – не входит. С некоторой долей обиды на это он пишет: «в нем (в теоретическом мире) я не нужен, в нем меня принципиально нет» [1, 17], «мир смыслового содержания бесконечен и себе довлеет, его в себе значимость *делает меня не нужным*, мой поступок для него случаен» [Там же, 43], и в эстетическом мире «живут другие, а не я... *себя я не найду* в нем», «[это] любовно созерцаемая прошлая жизнь *других* людей» [Там же, 24].

И вот так, продолжая осознавать свою ненужность, Бахтин пытается нащупывать то, через *что* возможно это объединение культуры и жизни, через что осуществим их взаимный переход: «путь от посылки к выводу совершается свято и безгрешно, ибо на этом пути меня самого нет, но куда включить этот процесс моего мышления» [Там же, 26]. Но этот порождающий произведение культурный акт еще протекает и в жизни, обладает историчностью, а значит, через него и через творца как его источник можно попробовать совершить это объединение. Тут Бахтину приходит на помощь известный античный образ двуликого Януса: «Акт нашей деятельности, нашего переживания, как двуликий Янус, глядит в разные стороны: в объективное единство культурной области и в неповторимую единственность переживаемой жизни» [Указ. соч., 12]. Значит и нам, пытаясь реконструировать последовательность рассуждений и выводов Бахтина, все ценностное внимание надо направить не на продукт культурного творчества, не на его результат, а *на сам акт*, его порождающий: «Акт – поступок эстетического видения возвышается над всяким бытием – его продуктом – и входит в иной мир» [Там же, 23]. Именно в самозабвении в актах творчества и видит Бахтин ту причину разорванности культуры и жизни. Тогда объединяющей основой, началом, акта как «двуликого Януса» может быть только принадлежность этого акта *одному* субъекту – *и творящему* в сфере культуры, *и живущему* в мире, находящемуся внутри бытия. Он пишет: «Итак, ни у теоретического познания, ни у эстетической интуиции нет подхода к единственному реальному событию бытия, ибо нет единства и взаимопроникания между смысловым содержанием – продуктом и актом –

действительным историческим свершением вследствие принципиального *отвлечения от себя* как участника» [Там же, 24]. Как не вспомнить здесь С. Аверинцева в уже упоминавшемся нами примечании «К философии поступка» с его справедливой критикой фарисейства...

Посредник найден – это *самосознающее я* творца. Но в чем же проявляется *улегченность* актов творчества? В их *обратимости*, и отсюда – в их необязательности и случайности: любую фразу можно написать так, а можно и по-другому, потом взять и заново все исправить и т. д. Но именно *необратимость* актов в бытии – первое, что *видит* человек от письменного стола и вспоминая свое функционирование в жизни в реальном бытии. Следовательно, это чувство необратимости и нужно *попробовать* перенести в культурное творчество из жизненных действий – поступков. Однако Бахтин не видит – ибо, по-видимому, очень очарован осознанием себя в качестве *езде-действующего я*, – что обретение необратимости *недостаточно* для обретения обязательности тех или иных действий, через которую только и можно переместиться субъекту в долженствующий план.

С другой стороны, раз осознав, что единство деятельности как «двуликого Януса» – в единстве самосознания субъекта, в единстве его *я*, Бахтин вынужден распространить это чувство в две стороны: и в культуру, и в жизнь. Следствием переноса чувства самосознания в *эстетический* план явилась работа «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» [3], в которой этому чувству прямо приписывается статус эстетического: восприятие произведения именно как *художественного* есть восприятие в нем себя в качестве активно творящей личности. Там он пишет: «Эстетический объект – это творение, включающее в себя творца: в нем творец находит себя и напряженно *чувствует свою творящую активность*» [Указ. соч., 317]. И еще, характеризуя *ритм*, как одну из чисто эстетических форм, Бахтин указывает, что последний «есть единство возвращающейся к себе, нащупывающей себя активности» [Там же, 311]. Более подробно анализ этой работы представлен нами в другом месте [6].

В работе «К философии поступка» это самосознание проникает и в план *жизни*: «Я-для-себя – *центр* исхождения поступка и активности утверждения и признания всякой ценности... оперативной штаб главнокомандующего моим возможным и моим долженствованием в событии бытия» [1, 57]. Все в мире и в культуре, по Бахтину, – *ничто* без утверждения этого субъектом. Не только культурные ценности ничего не значат, «пока я не утвердил *своей* единственной причастности этому бытию» [Там же, 47], но и в мире «*пафос* моего участного не-алиби в бытии, это есть ответственное расширение контекста действительно признанных ценностей с моего единственного места» [Там же, 49]. Пра-

вильно отметив единственность, временно-пространственную необратимость места и любого действия субъекта в бытии, он и здесь, как мы уже указывали, источником этой уникальности называет самого себя: «Единую единственность этого мира... гарантирует действительности признание *моей* единственной причастности, моего не-алиби в нем» [Там же, 53], а «*утвердить* факт своей единственной незаменимой причастности бытию – [значит] войти в событие бытия» [Там же, 43].

Конечно, если уж фундаментальные законы мироздания, по Бахтину, – только возможность без их утверждения субъектом в статусе действительно существующих, то что говорить о нормах морали и законов общежития: «нет определенных в себе значимых *нравственных норм*, но *есть* нравственный субъект с определенной структурой» [Там же, 14], а «по отношению к закону... активность поступка выражается *только* в действительном осуществляемом признании, в действительном утверждении» [Там же, 31]. Хорошо еще, что ничего не говорится в тексте о нужде в утверждении человеком заповедей Божьих... Тем более безнадежно искать у Бахтина упоминание о неизбежности применения против субъекта санкций за нарушение долженствующих положений. Ведь в его мире активность – только у одного субъекта – у самого Бахтина. И мира, и других людей, в общем-то, нет как независимых, активностных сущностей: «Он [*мир*] находится мною, поскольку я *исхожу из себя в моем поступке*» [Указ. соч., 54], и «я *единственный из себя исхожу, а всех других нахожу*» [Там же, 66].

Вот с этим чувством *всепреждающего* я, названным «эмоционально-волевым тоном», в котором, по Бахтину, мы обозначаем именно момент моей активности в переживании, переживание переживания как моего» [Там же, 38], Бахтин, как со своего рода Иисусовой молитвы – «я должен иметь долженствование» [Там же, 42], – и стремится предать любому действию человека – действию и в культуре, и в мире статус долженствующего. «Я *есмь* действительный, незаменимый – *и потому* [!] должен осуществить единственность» [Там же, 42]. Но *почему* должен, на каком основании, и почему так, а не иначе? Да очень просто: «поступок [сам] *задает себе свою правду*» [Там же, 32] – ни больше, ни меньше. В этом все дело: сам задам себе долг, сам его и осуществляю. Без комментариев....

В заключение подведем некоторые итоги. На наш взгляд, *попытка* Бахтина представить феноменологию поступка, то есть описания долженствующе поступающего сознания, в общем-то, *не удалась*. Причина неудачи – в неверном понимании самого долженствующего чувства и его истоков. Да иначе и не могло быть, поскольку, *идя от культуры к жизни*, связывая их через сознающие себя действующим и в культуре, и в жизни я субъекта – даже с осознанием этим я своей уникальности,

единичности и необратимости своих действий в мире, — ничего, кроме ни на чем не основанных, хотя и необратимых, но все-таки случайных действий этого я, описать бы и не удалось. Перефразируя Бахтина, справедливо отмечающего, что у Канта «Этическое долженствование *извне* пристегивается» [Там же, 28], можно сказать, что у самого Бахтина *долженствование пристегивается изнутри*.

Уже в своем следующем тексте — «Автор и герой в эстетической деятельности» — Бахтин хотя и описывает действие субъекта в мире — в событии бытия, — но это описание есть феноменология просто *осмысленных*, то есть *целеполагающих* действий, без ощущения необратимой уникальности. Значит, в этой работе Бахтин еще дальше уходит из долженствующего плана, из плоскости этически поступающего сознания. Его все больше увлекает мир художественного творчества, в котором я субъекта имеет больше оснований не забывать себя в качестве единственно творящей, *единственно активной* силы. Но здесь уже возникает другая проблема; а именно — как совместить чувство собственной активности, которое является основным в эстетически воспринимаемой форме художественного произведения [см. «Проблемы содержания, материалы и формы в словесном художественном творчестве»] с ощущением самодовления, цельности, а значит, самодостаточности тех же самых эстетических форм. Но это тема уже другого исследования...

Л и т е р а т у р а

1. *М. М. Бахтин* К философии поступка // М. М. Бахтин. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
2. *М. М. Бахтин* Искусство и ответственность // М. М. Бахтин. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
3. *М. М. Бахтин* Проблема содержания материала и формы в словесном художественном творчестве // М. М. Бахтин. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
4. *М. М. Бахтин* Автор и герой в эстетической деятельности // М. М. Бахтин. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
5. *А. Калыгин* От термина к онтологии: субъективная метафизика М. Бахтина // Терминоведение. Москва, 1993, № 3.
6. *А. Калыгин* Диалектичность эстетической деятельности // Русский филологический вестник. Том 81, № 1. Москва, 1996.